

БРАТЯ ШВАЛЬЕРЫ
КГБ против СССР

КНИГА ПЕРВАЯ

Братья Швальнеры КГБ против СССР. Книга первая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40149705
ISBN 9785449607300*

Аннотация

Многие книголюбы помнят нашумевшую в конце 80-х книгу Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», в которой рассказывалось о войне американской спецслужбы против нашей страны. Но все ли мы знаем о том, какую внутреннюю войну против Союза вел наш «родной» КГБ? Все ли жертвы его исчислены и все ли итоги подведены? История дает отрицательный ответ – слишком много еще умалчивается о «подвигах» почившей в Бозе спецслужбы, а ведь без изучения ошибок прошлого нет будущего...

Содержание

Пролог	5
Глава первая	29
Глава вторая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	72

КГБ против СССР

Книга первая

Братья Швальнеры

*Светлой памяти жертв КГБ СССР – как
известных, так и тайных – посвящаем*
Авторы

*Все имена собственные в книге вымышлены,
любое совпадение случайно*

Дизайнер обложки Братья Швальнеры

© Братья Швальнеры, 2018

© Братья Швальнеры, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4496-0730-0 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-0731-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

20 мая 1976 года, Москва

Май – обманчивый месяц. Казалось бы, весна уже подходит к концу и стремительно приближается жаркое лето, как вдруг грозы превращают столицу в сплошную плавающую среди каналов Венецию, тучи сгущаются над привычно солнечным московским небом, ветра усиливаются, и вся природа словно бы говорит уставшим от слякоти и зимне-весенних холодов жителям самого прекрасного города Земли: «Не спешите. Лето в этом году отменяется». Ну или: «Переносится на неопределенный срок». Людям с метеорологической зависимостью переносить такие времена бывает тяжело – и особенно тяжело вечерами, когда вынужденное безделье заставляет сосредотачиваться на нехстати обостряющихся недугах, а ливни и грозы заряжают свои мощнейшие бомбардировки на целую ночь, заставляя несчастных, измученных хроническими болезнями людей, ворочаться с боку на бок в тщетных попытках уснуть.

Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов был из их числа – и потому ужасно не любил вечерами возвращаться домой. В такие минуты его охватывала хандра – все говорило о том, что вот-вот придется лечь в постель, а это значит, снова ноющие боли во всех без исключения больных

органах его. Болезнь не разбирается в чинах и не знает классовой теории – и потому почки всемогущего главы силового ведомства всю ночь будут ныть, отдаваясь нестерпимой болью в спине; диабет, словно сговорившись с ними, устроит ему всенощную изжогу; а позвоночник и ноги просто будет ломить от ветра и слякоти. Именно поэтому в такие периоды Андропов старался допоздна задерживаться на работе, а, если таковой не было, посвящал свои вечера театру – если представление хорошее, то неприятное ощущение от боли словно бы отступает. Конечно, это самовнушение, но в конце весны заснуть у Юрия Владимировича получалось только с его помощью.

Сегодня же, в пику обычно приподнятому настроению, сопровождавшему Андропова после свиданий с Мельпоменой, он вышел из здания МХАТа имени Чехова в компании своего заместителя Чебрикова в подавленном состоянии. Вышел – и посмотрел на небо. Среди непроглядной темноты виднелись тучи, которые не обещали ничего хорошего. Видавшему виды, хоть и не коренному, москвичу казалось в такие минуты, что лето и впрямь никогда не наступит. Вдобавок к отвратительной погоде неприятный осадок оставил сам спектакль – давали «Свадьбу Кречинского».

– Что это за спектакль такой? – пробурчал Андропов. – Кто автор?

– Сухово-Кобылин, русский драматург начала XX века, – ответил Чебриков.

– А что у него в жизни такого ужасного случилось, что он так ненавидел правоохранительные органы?

Заместитель улыбнулся- он начал понимать, почему произведение классика русской драматургии привело Андропова в такое негодование.

– Он несколько лет провел в тюрьме по ложному обвинению в убийстве своей любовницы, французской актрисы...

– Теперь понятно, – брезгливо отмахнулся Андропов, ко-со взглянув на своего заместителя. После спектаклей они обычно делились впечатлениями, прогуливаясь вокруг театра или в его окрестностях, не спеша по домам. Чебриков не был метеозависимым – он больше зависел от своего начальника, и потому всегда охотно составлял ему компанию как в прогулках, так и в сомнительно-квалифицированных его критических откликах об увиденном. – Все-таки правильно революция этого дурака Николашку уничтожила. Что значит «по ложному обвинению»?

– Значит, не доказали.

– Вот именно, что не доказали. А это никак не означает, что события преступления не было или он был в нем невиновен. Значит, плохо работали. Значит, не место на земле такому государственному строю. Вот у нас, например, какой процент оправдательных приговоров, когда не доказывают?

– Если по стране, то процентов 18%. Если вы говорите о работе Комитета, то ноль.

– Вот. Значит работаем сносно.

– Ну зачем так критично, Юрий Владимирович? Работаем неплохо.

– До «неплохо» нам еще дожить надо... Нет, ты как хочешь, а я больше в театры ходить не буду.

– Почему? Вам же так нравилось всегда...

– Всегда нравилось, а теперь разонравилось. Ложи все сроду заняты, так я сижу в партере сразу на трех рядах – на первом мы с тобой, а на двух остальных охрана. Краснеть скоро начну – все зрители только и смотрят, что не на игру актеров, а на меня. А мне хоть сквозь землю провалиться в такие минуты.

– Ну почему? Сами же говорите, что работаете сносно...

– Это вы, Витя, работаете сносно. Вы, заместители, на чьих плечах, по сути, организация всей работы Комитета. А я как первый человек есть лицо, скорее, государственное. Я все больше на трибуне Мавзолея да в ЦК. А вот эти организации, милый мой, работают как нельзя хуже. Ну что это такое? Ты когда последний раз в магазине был? Пустые полки там видел? А еще что видел? Ничего? Вот и я ничего, если бы не спецзаказы, давно бы уже или с голоду опух или от хронических болезней умер, а их у меня, ты знаешь, немало. Вот и выходит, что люди смотрят мне в спину критичными взглядами, в которых читается один и тот же вопрос, а ответить-то я им только и могу, что: «Извините, граждане, я в КГБ работаю, я к Госплану и к ЦК отношения не имею». А им-то какая разница?! Для них мы все одним миром ма-

заны. И потом – что значит «Я – ни при чем»? В полномочия КГБ входит охрана социалистической законности и собственности. Если бы на местах все делалось в строгом соответствии с указаниями того же Госплана, не было бы взяток и воровства, то, наверное, и продовольственное обеспечение у нас не хромало бы! Богатейшая в мире страна, и до такого уровня жизни людей довели! Уму непостижимо! Так вот, если бы нарушений законности не было на всех этапах реализации продовольственной политики КПСС – от высших кабинетов до сельмагов, – то все было бы иначе. Не краснел бы я до ушей, если бы работал Комитет как положено...

– Юрий Владимирович, вы ведь делаете все, от себя зависящее. Но и вы не всеильны. Есть люди с большими полномочиями, которые, к сожалению, думают иначе, и вы это знаете...

Андропов с чувством обреченности посмотрел на Чебрикова и кивнул в сторону машины. В салоне андроповской «чайки» разговор продолжился.

– Знаете и о том, что покровительствует всему этому воровству сплошь и рядом МВД...

– Да уж, знаю. Смотри, Щелоков – наглец, никуда от него не денешься. Совсем страх потерял. В самом центре Москвы, у нас под носом свою контрразведку создал, особый отдел! – Андропов кивнул за окно. Взгляды его и Чебрикова устремились на 11 этаж гостиницы «Россия», которую они сейчас проезжали. – Информацией едва ли не больше наше-

го обладает! Такую агентурную сеть развел, столько дел благодаря ей раскрыл, что мама не горюй! Да еще, мерзавец, добился у Генсека запрета Комитету вербовать сексотов в своем Министерстве...

– Ну против Генсека мы бессильны, а в остальном все в наших руках, – еле слышно процедил Чебриков. Голова председателя КГБ после шумного и эксцентричного спектакля болела, звуки внутри нее сливались в единую какофонию, но эту фразу своего заместителя он разобрал четко.

– Что ты сказал?

– Я говорю, что этому его спецотделу мы запросто кислород перекрыть можем. И в прямом, и в переносном смысле. Тут все в наших руках, Юрий Владимирович, все в наших руках...

Юрий Андропов, председатель КГБ СССР

Виктор Чебриков, заместитель председателя КГБ СССР

На следующий день

Совещание у министра внутренних дел СССР Николая Анисимовича Щелокова подходило к концу. Общие сводки, цифры, результаты работы, краткие отчеты по наиболее резонансным делам. Министр дополнительно проверил условия содержания в некоторых ИТУ Украины, результатами проверки остался недоволен и поручил начальникам отделов провести дополнительную инспекцию, после чего объявил, что все члены коллегии Министерства свободны, попросив остаться двух своих заместителей – Крылова и Папутина.

– Ну как. Виктор Семенович, дело «Океана» продвигается? – спросил министр, глядя на Папутина.

– Так точно, товарищ генерал армии. Агентурный отдел, – он сверкнул глазами в сторону сидящего напротив Крылова, – сообщает, что, помимо хищений рыбной продукции в сети магазинов «Океан» Фельдман и Фишман причастны также к незаконному экспорту черной икры за рубеж.

– Вот даже как?! Очень интересно. И с чего все началось?

– Видите ли, специальным приказом Министерства рыбной промышленности сети магазинов торгово-производственной фирмы «Океан» установлена довольно значительная, в масштабах отрасли, процентная степень допустимой усушки, утруски, порчи продуктов – 10%. На деле объек-

тивно порче подвергается не более трех процентов, но списывают под это дело торговцы рыбой все десять, ни граммом меньше. Почти всегда списанию подвергается икра, которую, как известно, очень сложно испортить ввиду большого содержания в ней соли. Списанная икра по актам утилизируется, хотя, по сведениям того же агентурного отдела, нет ни одного реального доказательства уничтожения хотя бы тонны ценного морепродукта.

– Куда же она девается?

– Уходит за рубеж.

– В обход КГБ? – удивленно вскинул брови министр. – Это как такое возможно?

– Просто. Рыболовецкий сейнер, уходящий в путину в свободную экономическую зону, в порту выхода досматривать никому в голову не взбредет...

– Хитро придумано, – улыбнувшись, Щелоков откинулся в кресле. – Выходит, что несколько лет назад, когда министр рыбного хозяйства Ишков настоял на передаче всех функций по добыче и реализации рыбной продукции от Минторга его министерству, он просчитал все на шаг вперед. Якобы испорченная икра грузится на сейнер – даже если кто-то досмотрит, вот вам, товарищи проверяющие, акт о списании. Куда ее девать, как не в море? И, если она испорченная, зачем же засорять отечественные водоемы? Выкинем ее в Японии...

– Совершенно верно. В Японии к сейнеру, на котором,

как известно, функционирует рыбный завод – именно здесь, в момент добычи, рыбу моют, солят, в общем, приводят в полный товарный вид, а также отгружают на торговые корабли, возвращающиеся в СССР и отплывающие из него с официальными государственными контрактами на поставку рыбной продукции, – подходит советский корабль, который должен доставить партию полученной здесь же рыбы, скажем, в Турцию или Францию. Грузится – все честь по чести. И тут же в его трюмы сгружается списанная икра, которую в порту приема встречает уполномоченное лицо Минторга...

– Значит, верхушка тоже вовлечена в эту преступную схему?

– Без верхушки ничего бы не было. Никто бы просто не позволил списывать столь дорогостоящий продукт. Так что, я думаю, без нашего дорогого Юрия Владимировича, здесь не обошлось...

– Но-но, – одернул подчиненного Щелоков. – Чтобы обвинять членов ЦК, нужны веские доказательства...

– Они есть, но о них чуть позже. Так вот. Встречает эту нашу якобы списанную икорку кто-нибудь из начальников отделов ишковского министерства, торгпред какой-нибудь, которому поручено сдать партию рыбных товаров местному покупателю и получить с него по счету. А одновременно с этим и икру ему, что называется, загоняет.

– А как он потом провозит валюту в СССР?

– А никак. Он прямо там затаривается дефицитными в СССР вещами и спокойно провозит их в чемоданчике. Картины, джинсы, драповые пальто, кожа на меху – все это за определенный процент возвращается Фельдману и Фишману, которые спокойно распихивают полученное среди своих знакомых и, тем самым, возвращают себе похищенные честным трудом у государства деньги.

– И сколько, по твоим подсчетам, за одну путину уходит икры? Списание-то ведь происходит каждый месяц? А путина – раз в два или в три месяца, так? Это же фантастическое количество накапливается по всей сети розничных магазинов, открытых во всех крупных городах Советского Союза!

– Да, сумма немаленькая.

– Так как же тогда этот твой торгпред провозит такое количество вещей? У него личных вещей на границе получается целый эшелон, не меньше?

– Не совсем. Определенную часть он спокойно провозит через границу...

– Взятка КГБ?

– Нет, Николай Анисимович. Взятка – это небольшая часть от целого, отдаваемая, чтобы только это большое целое сохранить...

– Хочешь сказать, что КГБ забирает себе едва ли не половину суммы, вырученной от продажи икры в валюте? Но кому это надо? Я не думаю, чтобы Андропов...

– Конечно, не в собственный карман. А спецоперации?

На их проведение обязательно нужна валюта, а ее в советском бюджете очень ограниченное количество – и вы, как член ЦК, это знаете. Здесь же валютная подушка практически неконтролируемая. Подумайте сами – в честь чего Ишкову разрешили нагрузить на его крохотное и убогое министерство такие функции? Без поддержки членов ЦК, особо приближенных к Леониду Ильичу, эта цель была бы недостижима.

– Думаешь, Андропов принял в этом участие?

– Без сомнения. Интерес – пусть не свой личный, а своего ведомства, но тоже корыстный, – он всегда преследовал.

– Но, как ни крути, получается, что берет он эту валюту не из воздуха и не за счет каких-нибудь неучтенных ресурсов, а напрямую из казны? Обворовывает государство, прикрываясь благими намерениями?

– Вы – министр, лицо, ему равное. Только вам судить о квалификации подобного рода действий. Я лишь докладываю вам обстановку и излагаю свои соображения.

– Послушай, Виктор, – от волнения, навеянного услышанным, обычно сдержанный и тактичный министр перешел на «ты», – ты должен разрабатывать это дело очень и очень активно. Без железобетонных доказательств, на одних только догадках, какими бы приближенными к реальности они ни были, такого обвинения нам не построить! И оставлять это дело, спускать его на тормозах – означает вступить в негласный сговор с преступниками, начать их по-

крывать.

– Согласен с вами, Николай Анисимович. Опасную и сложную цепь ведем. А ведь мы смогли выйти на нее, сугубо благодаря агентурному отделу... – Папутин с одобрением в глазах взглянул на Крылова.

– Да, Сергей Михайлович нам очень помог. Такую службу внутри МВД завели, что Андропов с Чебриковым локти себе до сих пор кусают! Главное, ведь, что? Что у них, с их сверхмощным аппаратом, который еще со времен СМЕРШа ковался, таких результатов нет, как у нашего особого отдела за считанные месяцы его работы! А все почему? Потому что, как прав Виктор, там не хотят работать. Верхи. А низы, как водится, не могут. А мы и хотим, и можем! – министр рассмеялся, встал, вышел из-за стола, подошел к сидящему напротив Крылову и дружески похлопал его по плечу.

– Тут целый ряд факторов, и не на мне сошелся клином белый свет, – смущенно отмахнулся Крылов. – Преступности у нас действительно через край, и понятное дело, что без покровительства правоохранительных органов такого уровня она достигнуть сама не могла – по крайней мере, об этом говорит международный криминологический опыт. Поэтому и нужен был прорыв, и мы его сделали. Но не без вашей помощи, товарищ министр – если бы не вы, не было бы указания ЦК о запрете КГБ вербовать сотрудников в рядах МВД, а без него работа всего нашего секретного или агентурного, как говорит Виктор Семенович, отдела, пошла бы

насмарку.

– Типун тебе на язык, Сергей Михайлович, – посмеялся Папутин. – Даже вслух таких вещей не произноси...

Николай Щелоков, министр внутренних дел СССР

26 мая, 00 час 30 мин

Пожар на 10 этаже гостиницы «Россия» вспыхнул как гром среди ясного неба. Постояльцы улеглись, самая большая гостиница страны заснула, когда в соединительных стенах 10 и 11 этажей северной башни, в вакуумном плинтусе, через который проходила проводка, внезапно возникло ко-

роткое замыкание. Оно быстро распространилось на включенные в верхних этажах электроприборы и вызвало практически полное выгорание трех этажей гостиничного крыла. Позже начальник отделения пожарной охраны Кулымин, прибывший на место, доложит следователю по особо важным делам Генпрокуратуры СССР Владимиру Колесниченко:

– Тут тонкость в чем. Если это и поджог, то поджигатели настолько профессиональные, что буквально прямо разведчики какие-то. Я вам расскажу, а вы сами соотнесите факты и цифры, как говорится. Снизу, с 10 этажа, был подан в проводку ток высокой мощности. Обычно проводки в гостиницах устанавливаются по одной на этаж, а здесь почему-то проводка соединяла 10, 11 и 12 этажи северного крыла... Ну это ладно, гостиничный электромеханик чего-то намудрил, Бог ему судья... Так вот на 10 этаже включили какой-то мощный аппарат. Знаете, в деревнях, когда валенки валяют, ток такой мощности подается, что свет вырубает чуть ли не во всей округе. Или, если у вас сосед-сварщик, то вы тоже, наверняка, хоть раз становились свидетелем такого вот номера... Включили, значит, на минуту буквально, а потом выключили сразу, но разряд был дан такой мощности, что электросистема, соединяющая почему-то – непонятно, почему, – три этажа, не выдержала. Она бы вырубилась сразу, сработала бы автоматическая система отключения, если бы где-то на этих этажах не стояло столь же высокомогущное обо-

рудование, по несчастью включенное в этот самый момент. Получается, система была запитана и готова к таким перепадам и ориентирована на то, чтобы не выключаться ни при каких обстоятельствах. Что там именно стояло, нам выяснить не удалось – когда мы приехали, все три этажа полыхали так, что света белого не видно было.

– Скажите, – спросил Колесниченко, – а, если бы кто-то находился в это время на 11 и 12 этажах и смог бы выключить эти приборы, пожара можно было бы избежать?

– Сложно сказать, – задумался инспектор. – Понимаете, мы же не знаем, что именно за приборы там были – ручные, автоматические, соединялись параллельно, последовательно... Кто ж теперь разберет? Мы было хотели свою службу дознавателей подключить, чтобы они с обгоревшими остатками приборов поработали, но тут набежали сотрудники милиции, да вроде как даже из Центрального аппарата приехали, вроде бы сам замминистра – понятное дело, пожар в такой гостинице, где столько народу, в том числе оттуда, проживает. Все изъяли, сказали, на экспертизу. Мы противиться не стали – у них специалисты более квалифицированные... Да и потом, знаете – баба с возу, кобыле легче...

Собеседники улыбнулись. Следователь задал последний вопрос:

– Вы человек опытный. На ваш взгляд, что все-таки, пусть даже по вашему предположению, могло быть включено на 10 этаже, что привело к пожару?

– Сложно предположить, но здесь же очень много иностранцев живет. Привозят с собой разную аппаратуру, электроприборы. Знаете, у них сейчас электрочайники появились – не такие, как у нас, что воткнул в розетку, он и кипит, а умные какие-то, сами включаются, сами выключаются. Им больше электричества нужно. А магнитофоны? Не просто стереофонические, а с какой-то цветомузыкой – страшно сказать, сколько он мегавольт жрет! Прошлый раз на 5 этаже замыкание было, вызывали – выяснилось, что там какие-то музыканты остановились, включили свои гитары да синтезаторы и репетицию устроили. Так что в этом, думаю, не есть камень преткновения. Важно, что таких приборов набито было на трех этажах полно и ни один не был выключен. Потому я и говорю вам – если рассматривать версию поджога таким образом, то кто, кроме разведчика, мог знать, что целая сеть запитана на 120% включенными мощными аппаратами в ночное время суток? Кто? Исключено, чистая случайность... Я вот тоже думаю... Не мое это дело, но... Вы же знаете, сколько последнее время ввозится в страну электроприборов с Запада, чтобы здесь продавать? Вы следователь, вы знаете. Фарцовщики вокруг «России» километровые круги нарезают. А, когда берешь товар, его надо проверять. Может, большую партию привезли, а наши умельцы тут решили их опробовать? Вот и наделали пожару.

Закончив беседу с инспектором, Колесниченко проверил работу оперативников МВД, которых действительно кишмя

кишело на месте пожара, убедился воочию, что его присутствие здесь и сейчас роли не играет и уехал домой, чтобы проанализировать все услышанное и подготовиться к утреннему докладу Генеральному прокурору Руденко. Ночное дежурство по Прокуратуре СССР выпало для молодого следователя неудачным, но делать было нечего – следовало готовиться к тому, что с утра пораньше все подчиненные, не исключая начальника Следственной части, традиционно получают на орехи за допущенный пожар. Ну или за то, что через секунду не нашли поджигателя. Ну или за то, что в течение ночи не установили самовозгорание. В общем, найдется за что. Как обычно в таких случаях, ЧП влечет за собой шапочный разбор во всех ведомствах, так или иначе задействованных в последствиях трагедии – от гостиничного буфета до Министерства транспорта СССР. Однако, планам следователя как следует все обдумать не суждено было сбыться – стоило ему доехать до своего дома на Новоясеневском проспекте, как машина с милицейскими мигалками нагнала его.

Следователь вышел из своей машины, из сопровождающей – а вернее, преследовавшей, навстречу ему вышел человек в форме полковника милиции.

– Товарищ Колесниченко?

– Он самый.

– Полковник Макаров, адъютант министра.

– Очень приятно.

– Скажите, вы дежурили ночью по городу от Прокуратуры

СССР и выезжали на пожар в гостинице «Россия»?

– Я.

– С вами хотел бы поговорить министр внутренних дел Николай Анисимович Щелоков.

– Пожалуйста, я утром могу к нему приехать.

– Если возможно, сейчас. Моя машина к вашим услугам, после беседы мы вернем вас к вашему дому.

Колесниченко с шофером прокурорской машины переглянулись – ночь следователю все равно предстояла бессонная, так уж лучше провести ее в сборе информации, чем в переливании из пустого в порожнее, ведь пока ему удалось выяснить практически мало. Он кивнул головой и шагнул навстречу министерскому адъютанту.

Через полчаса они поднимались по лестнице в здании МВД на улице Житной, где ночного гостя ждал Николай Щелоков.

Он принял его в комнате отдыха – ночной пожар застал министра дома, как пожилому человеку ему сложно было подорваться с места и сразу приступить к работе в кабинете, а может быть, он просто не хотел, чтобы все подчиненные понимали, что случилось ЧП. Хотя, Колесниченко показалось, что спящее министерство давно всю ночь стоит из-за произошедшего на ушах.

– Здравствуйте, Владимир Иванович, – министр протянул руку следователю, обратившись к нему очень уважительно, чем немало удивил его.

– Здравия желаю, товарищ генерал армии!

– Вольно. Садитесь.

Министр указал ему на резной стул напротив небольшого столика у дивана, на котором сидел сам. На столике расположились две чайные пары, сахарница, нарезанный лимон.

– Чаю, кофе?

– Нет, спасибо. Если можно, ближе к делу. Зачем вы меня вызвали?

– Я вас не вызывал, это не в моей компетенции. Я попросил вас приехать с тем, чтобы услышать ваши впечатления от пожара... Каковы ваши предварительные выводы, если, конечно, это не тайна следствия...

– Ну что вы, товарищ министр... Вывод сделать сложно. Инспектор пожарной охраны – единственный разумный человек, с кем мне удалось переговорить на месте происшествия, – утверждает, что речь идет о трагической случайности. Хотя много в его рассказе и нестыковок... Основной вопрос все же в том, что именно было включено на трех этажах гостиницы и что, в конечном итоге, и повлекло возгорание? Инспектор утверждает, что в момент замыкания на всех трех этажах работали какие-то сверхмощные электроприборы, запитка которых и не дало системе выключиться при перепаде напряжения. Они работали, как я понял, принудительно, но от общего гостиничного генератора...

– Я вам расскажу, что там стояло.

Колесниченко опешил, но прервать министра не решился.

– Понимаете, несколько месяцев назад я, вместе со своими заместителями Крыловым и Папутиным, заручившись поддержкой Леонида Ильича, создал под эгидой Министерства своего рода особый отдел – эдакое подразделение контрразведки, которое запустило, если можно так сказать, щупальца в дела криминальных структур. За несколько месяцев раскрываемость выросла в разы, мы окончили фактом ряд давно подвисших уголовных дел...

– Вы сказали «контрразведка». Но это же дело КГБ!

– Именно. Мы тогда задумались – если преступность в стране так высока, то не может быть, чтобы не покрывалась она со стороны силовых министерств и ведомств. Вскрыли очень много коррупции в собственных рядах, что доселе недоступно было органам КГБ – еще в начале 1970-х я ходатайствовал перед ЦК о принятии постановления, запрещающего КГБ вербовать сотрудников в рядах МВД. ЦК тогда пошел мне навстречу. Так вот. За это непродолжительное время, что существовал спецотдел, мы выявили также преступления коррупционной направленности в высших сферах Комитета...

– Ну и ну...

– Именно. И отдел этот, скрытый от посторонних глаз, находился как раз на 10, 11 и 12 этажах гостиницы «Россия». Теперь вы понимаете, какие приборы там стояли и почему они не могли быть выключены?

– Да. Также понимаю и слова инспектора о том, что со-

трудники вашего министерства сразу же произвели выемку всех останков сгоревших помещений...

– Верно. Но вы не знаете главного – неделю назад мы добыли... практически добыли доказательства причастности высшего руководства КГБ к беспрецедентному хищению государственных средств. Как и откуда и кем они похищались, я вам рассказывать не буду, ради вашей же безопасности. Но я думаю, что Андропову стало известно о нашем расследовании...

– ...как, наверняка, ему было известно и место дислокации отдела.

– Совершенно верно.

– Потому случайно и был подан ток высокого напряжения именно в сторону проводки северного крыла, соединяющей 10, 11 и 12 этажи...

– Комментарии излишни.

– А зачем тогда вы меня сюда пригласили?

– Чтобы предостеречь от ошибки, которую вы можете совершить, объективно и беспристрастно расследуя это дело. Следов сотрудников КГБ там оставлено великое множество – Папутин и Крылов мне уже доложили, что за несколько минут до пожара по пожарной же лестнице проследовали несколько человек, не проживавших в гостинице, согласно показаниям администратора. Но все другие сотрудники отеля это упорно отрицают – значит, понимают, о ком идет речь. Казалось бы, дело за малым – провести оперативные

мероприятия внутри КГБ и усадить виновных за решетку. Но я не дал им этого сделать и вас предупреждаю – не надо. Андропов заявил о себе очень громко, он сказал, что пойдет на любые жертвы, ни перед чем не остановится, чтобы спасти свою репутацию. И вас прошу – если хотите сохранить себе жизнь и работу, утром доложите Роману Андреевичу, что речь идет о бытовом возгорании. Он очень влиятельный человек, и своим расследованием вы можете навредить и себе, и нам.

– Но ведь, создавая отдел, вы понимали, что натолкнетесь на его противодействие... Изначально это было попыткой выхватить из рук КГБ часть их функций, а значит, часть их власти.

– Да, но я не думал, что все пойдет так далеко. Обычное противостояние двух силовых ведомств – когда такого не было? Социалистическое соревнование, подстегивание друг друга – во всем мире такой противовес рождает только новые успехи в борьбе с преступностью. Но, как видно, не у нас. Недооценил я врага. Для него человеческие жизни ровным счетом ничего не стоят...

– Согласитесь, странно слышать это из уст министра внутренних дел о начальнике контрразведки.

– Согласен, но это странно при обычных обстоятельствах. А мы с вами давно уже поставлены за их рамки. Понимаете, о чем я говорю?

Колесниченко подумал и тихо произнес:

– Да. Думаю, что понимаю.

Глава первая

20 ноября 1980 года, Чолпон-Ата, Киргизская ССР

Большая серая гикающая стая толстых уток низко пролетела над едва подернувшимися пленкой льда водами Иссык-Куля и плавно уселась на край берега – там, где вода была еще теплой и не замерзала от постоянного движения. Качалдаки бы не прилетели, если бы не такая же – или большая – стая лесников, что выгнала лысук с насиженных мест в глубине близлежащего леса, да еще и прикормила как следует вблизи славного озера. Вообще это была последняя охота перед предстоящей зимой – скоро эти толстые, черные, похожие на уток птицы с характерными белыми отметинами на лбу улетят зимовать на Каспий, далеко отсюда, а потому надо пользоваться моментом, невзирая на промозглую ноябрьскую сырость и надвигающиеся холода, то и дело ледяными порывами ветра напоминающие: скоро декабрь. Снега было мало, практически не было – зима в Киргизии оттого и холодная, что почти бесснежная. Качалдак – что утка, жировой слой под кожей будь здоров, а и он такую погоду плохо переносит. Так что, если не успеешь, не уследишь за проворными движениями его жирного тела, то все, пиши пропало.

Сегодня охота была небольшая – охотились только двое. А стая, как назло, попалась достаточно многочисленная –

на первый взгляд, не менее 50 голов. Председатель Совмина Киргизии Султан Ибраимович Ибраимов охоту на качкалдаков любил, но стрелял плохо – потому затевал ее только для дорогих друзей, наведывавшихся к нему сюда, в санаторий Чолпон-Ата. Обычно это были люди из Москвы или его старый приятель, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов. Он и обещал приехать в этот раз, но не смог, прислал вместо себя еще одного их общего друга, министра внутренних дел Узбекистана Хайдара Яхьяева. Тот стреляет, конечно, хорошо, но все равно всех им вдвоем не перебить, много слишком. Потому сегодня все егеря и лесники вышли на охоту вместе с сановным начальством – как знать, может выгорит подстрелить пару жирных лысух, вот и будет праздник для семейства.

Стрелять в них надо быстро – не то всех только распугаешь. Потому первые десять выстрелов всегда являются определяющими. Быстрая очередь выпущена сначала Ибраимовым, потом гостем. Кинулись егеря с собаками по краям берега Иссык-Куля, чтобы собрать добычу, а остальные в это время достреливали стремительно удаляющихся лысух. Пара минут – и вся охота. Следующая стая будет только вечером, а потому можно перекурить.

– Жаль, Шараф Рашидович не смог приехать, – в очередной раз протянул Ибраимов, подойдя к своему гостю.

– Говорю тебе, заболел. К параду готовились в честь 7 ноября, 2 репетиции. А зима выдалась холодная – точь-в-точь,

как у вас здесь. Вот его и прохватило. До позавчерашнего дня еще крепился, думал прилететь к тебе, а позавчера вконец свалило. «Поезжай, говорит, проведаетшь Султана, да привезешь мне пару качкалдаков...»

– Да, – улыбнулся Ибраимов. – Он охоту любит. Бывало, мы с ним по двадцать штук за одну вылазку настреливали.

– Не время сейчас охотиться. Улетает птица-то, становится на крыло.

– Верно. Это последние. Теперь только летом... Дожить бы до него...

– Вот те раз. Чего это ты? Тоже о болезни подумываешь? Ты же молод еще, мой ровесник! Посмотри на наш ЦК – там все не в пример тебе старики, а таких разговоров не ведут. Так что ты это брось!

– Я бы с удовольствием, да только сам видишь, где тебя принимать приходится – в санатории.

– Санаторий – не больница. Надо здоровье смолоду беречь, а особенно в такую пору, так что не вешай носа раньше времени.

– И то верно. Пойдем, выпьем.

Небольшой привал был организован невдалеке от берега – пара лысеньких карагачей да небольшой кустарник отделяли накрытый стол у костра от того места, где вода священного озера сталкивается с землей и обдает и без того холодные пески своим ледяным дыханием.

Выпили, закусив свежими помидорами и рыбой.

– Хорошая рыба у вас на Иссык-Куле, – смакуя осетрину, сказал Яхьяев. Хозяин его будто не слышал, не замечал – собеседник заметил, что он явно чем-то встревожен.

– Жаль, не смог Шараф приехать... Я так ждал его... – то и дело вторил Ибраимов.

– Султан! Да что с тобой такое? Я же говорю, он болен...

– Я понимаю, но у меня был к нему деликатный личный разговор.

– Какого рода? Ты можешь мне все рассказать, я все ему передам. Мы же с тобой старые боевые товарищи, и ты можешь мне доверять как родному брату.

– Знаю. И главное, что разговор этот... он очень важный и срочный... – Ибраимов понизил голос, придвинулся поближе к собеседнику. – Доверить его кому бы то ни было – дело опасное, но выхода нет. Понимаешь, Шарафа могут сместить со дня на день.

– Кто тебе такое сказал?! – глаза Яхьяева округлились.

– погоди, дослушай. Сам же видишь и знаешь, Леонид Ильич плох. На его место много желающих, и много кандидатов – и Шараф Рашидович один из них. Он друг Брежнева, молодой и деятельный руководитель, так что... Но в Москве знают и хотят донести Брежневу, что в Узбекистане много приписок по хлопку. Если сейчас это дойдет до ЦК, то дела будут плохи... Надо спасти Шарафа!

Яхьяев побелел.

– Ты откуда про это знаешь?

– Это неважно. Главное, что за спиной Шарафа кто-то целенаправленно активизирует работу по его дискредитации, по припискам. Я не верю тем, кто говорит, будто наш с тобой честнейший друг, преданнейший сын партии Ленина способен на такое! Я готов перед кем угодно отстоять его правоту, доказать, что он тут ни причем! Надо будет – и до Москвы дойду!

Заметно нервничавший и потому быстро опьяневший Ибраимов разошелся не на шутку. Яхьяев был обескуражен его откровениями, и поспешил успокоить своего разбушевавшегося собеседника.

– А ты уверен, что этим ему не навредишь?

– То есть?

– Смотрел тот фильм про Штирлица? «Что знают двое, знает и свинья». Так что ты пока подожди, никому ни о чем не рассказывай. Я вернусь в Ташкент, сам переговорю с Шарафом, и мы все решим. Надо будет – из реанимации его достану и привезу к тебе... Мы же не знали, что все так серьезно! Да, ты говорил по телефону, что речь пойдет о нем, что разговор серьезный, но что вопрос будет касаться «белого золота»...

– Сам понимаешь теперь, что по телефону я не мог всего сказать!

– Конечно. Ты правильно сделал, что поделился со мной. Я завтра же возвращаюсь в Ташкент, доложу Шарафу и – я уверен – это заставит его немного отложить болезнь... В об-

щем, готовь новую партию качалдаков! А пока давай выпьем...

Слова старого товарища несколько успокоили Ибраимова. Он охотно опрокинул еще пару рюмок, после чего снова взялся за ружье – маленькая стайка полетела вслед за первой, и издали, с берега Иссык-Куля послышался посвист егеря.

Вечером, после бани, говорили о наболевшем – о господавках, планы по которым все выше задирает Москва, о нехватке продовольствия в регионах «второго» и «третьего» уровней обеспечения, об уровне преступности в стране, о засилье русских среди партийного и государственного аппарата. Яхьяев подчеркнул, – и вполне справедливо – что Ибраимова очень любят местные жители, которые в нем, коренном, чистокровном киргизе, видят свое будущее как народа, независимого от столицы Союза.

– Да, – говорил генерал, – когда после войны мы все объединялись вновь, с новыми правами, отличными от тех, что существовали в Гражданскую, соответствующими, как нам тогда казалось, международным принципам и идеалам, Москва нам обещала равенство и равноправие. А что на деле? Захватили власть и баста. В национальных республиках понасажали русских аппаратчиков, комитетчиков, а те только и делают, что следят за нами, подавляют нашу национальную идею, да не дают нам головы поднять. Как рабы живем. Потому тебе и Шарафу надо особенно себя беречь – вы, по сути, единственные самостоятельные руководители рес-

публик с чувством национальной идентичности, национальной гордости. Вас народ любит. За вами будущее...

Комплименты ложились в благодатную почву менталитета уже порядочно пьяного Ибраимова как нельзя более органично. Он растаял, перестал, наконец, бояться Яхьяева, с которым намедни так разоткровенничался, и только кивал головой в ответ на его панегирики:

– Именно поэтому я и хотел переговорить с Шарафом. Теперь ты понимаешь, насколько важно ему сохранить свой пост?! Если он займет высокий пост в столице после Леонида Ильича, то вся история может вспять повернуться! Отольются кошке мышкены слезки – мы еще всеми ими покомандуем!..

После такого тоста стало ясно, что пора идти спать. Ибраимов и его гость вернулись в правительственный домик на территории санатория и улеглись. Около часу ночи генерал спустился вниз, чтобы покурить...

...Домик толком не охранялся – закрытый санаторий подразумевал, что сюда, на расстоянии, значительно удаленном от города, вряд ли кто придет, чтобы переговорить с сильными мира сего. По периметру этот уголок здоровья был огорожен высоким забором с колючей проволокой, вдоль которого пару раз за ночь проходили дежурные охранники. Никаких ЧП здесь не происходило с момента закладки города, а потому частота проверок периметра у местных, не особо шустрых, охранников, из года в год становилась все реже.

Ворота на въезде, конечно, на ночь запирались, сидел там вахтер – да только кто из супостатов надумает пересекать границу территории через входную дверь?

Потому он и пересек ее, перемахнув через забор – как раз в тот момент, когда охранники закончили обход и разместились в своем домике на окраине санатория, чтобы остаток ночи провести в алкогольных возлияниях. Коньяк, который они сегодня будут пить, привез из Узбекистана сам генерал Яхьяев, на бутылке портрет друга товарища Ибраимова – товарища Рашидова, -а это значит, что плохого в такую тару явно не разольют. Несколько метров жиденькой лесополосы, почти совсем облетевшей под дуновениями холодного ноябрьского ветра – и открылся ему вид на правительственный трехэтажный дом, пожалуй, самую выдающуюся постройку здешних мест. Не спеша приблизившись к нему, он увидел фигуру, стоящую в дальнем углу крыльца – генерал курил сигарету и смотрел в противоположном направлении, в сторону озера, откуда они сегодня приехали с богатой по нынешнему сезону добычей. Перед входом в дом стоит машина со включенными фарами – приехали именно на ней, это служебная «волга» Султана Ибраимовича. Стоп! Кажется, там кто-то есть...

Фары машины моргнули, из водительской двери вышел человек. Он напряженно вслушался в тишину и услышал его шаги, звуки трещащих под ногами веток. Как он еще здесь оказался? Почему не спит?

– Кто здесь? – крик шофера растворился в гулком тумане леса. Водитель сделал несколько шагов навстречу своему незримому визави, но потом резко развернулся и побежал в сторону дома. – Хайдар Яхъяевич! Товарищ генерал!

«Этого еще не хватало», – подумал Славин и выхватил карабин.

Яхъяев обходил крыльцо, окружавшее дом по периметру, с торца, и мог не слышать криков водителя, но что будет, если они сейчас встретятся?! Придется уносить ноги, и неизвестно, когда в следующий раз выпадет такая возможность! Нет, нельзя этого допустить...

На свой страх и риск Славин прицелился и выстрелил. Пуля сразила шофера наповал, а грохот от выстрела раскатистым эхом прокатился по окрестностям санатория. Славин зажмурился и вжал голову в плечи, затаившись в лесу – слишком громким получился выстрел среди ночной тишины. Если услышат, то все, конец всему. Надо подождать несколько минут – если начнется суета, не останется ничего, кроме как уносить ноги; доступа к телу все равно не дадут.

Эти несколько мгновений показались ему вечностью. Но – на удивление на звук выстрела никто не вышел. В доме было всего два человека – один из них спал, а другой был на противоположном конце особняка, так что ветер, дувший в обратную сторону, вполне мог обеспечить, чтобы звук выстрела пронесся мимо его ушей. Славин видел, как, докурив, Яхъяев подошел к входной двери, но внезапно развернулся, до-

стал еще одну сигарету и снова пошел обходить дом. Путь свободен!

В несколько прыжков оказался он у входа. Остановился перед машиной, присел и спрятался за нее, подождав, когда нарезовший круги генерал минует входную дверь. Пока отсиживался там, посмотрел на труп шофера. Мертвее мертвого. «С первого выстрела и так уложить... Неплохой карабин», – цинично подумал Славин. Меж тем Яхьяев опять скрылся за поворотом. Воспользовавшись моментом, Славин влетел в дом и сходу поднялся на второй этаж – он точно знал, в какой из комнат спит Ибраимов. Еле слышно открыл дверь спальни и увидел человека, лежавшего на кровати под одеялом. Прицелился чуть выше плеча, поднявшегося кверху у лежавшего на боку человека и... дважды выстрелил.

Белоснежные простыни обгарились кровью буквально на его глазах. Зрелище заворожило Славина но ненадолго – этих выстрелов в непосредственной близости от себя Яхьяев не услышать не мог. Он вбежал в дверь и сразу ринулся на второй этаж. Славин помнил про периметр крыльца – и быстро выскочил в окно, приземлившись ровно туда, где еще минуту назад стоял генерал. Он оказался с тыльной стороны дома. Несколько секунд, что генерал потратил на оценку ситуации, ему хватило, чтобы успеть обежать дом и снова оказаться рядом с машиной Ибраимова.

Яхьяев выскочил из домика и рванул в сторону охраны. Это позволило Славину, дождавшись, пока тот исчезнет

из виду, быстро ретироваться тем же путем, каким он сюда и пришел. Несколько метров вдоль леса... Конечно, они кинутся ко входу и к забору, но не сейчас – несколько минут они еще будут разглядывать труп убитого и пытаться оказать ему помощь. Потом министр внутренних дел, милиционер до мозга костей, даст команду к поиску. Но Славину это уже будет безразлично – он будет уже далеко, на подъезде к городу, откуда очень скоро отправится дальше. Благо, Советский Союз большой...

Султан Ибраимов, председатель СМ Киргизской ССР

Утро следующего дня, Москва, Лубянка

Председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов еще ночью узнал о беспрецедентном политическом убий-

стве, сотрясшем маленькую Киргизию как гром среди ясно-го неба. Да, были уже выстрелы в Брежнева у Боровицких ворот в далеком 1969-ом, на втором году его пребывания в должности главного силовика страны, но что они из себя представляли на фоне убийства Султана Ибраимова?! Подумаешь, какой-то сумасшедший соорудил какое-то самодельное ружье и, одурев от голодухи и дефицита в советских магазинах, решил застрелить вождя, да сдали трясущиеся руки и пол-литра водки, что влил он в себя перед этим «покушением». Абсурд, да и только! Кого так можно убить? Разве что дворовую собаку – и то не факт. Но спланированное, организованное и тщательно подготовленное убийство первого лица республики во время его отдыха в правительственной санатории пахивало уже какими-то итало-американскими мафиозно-политическими разборками. От осознания того, к каким последствиям может привести лично его это преступление, от того более жуткое, что не раскрыто по горячим следам – преступник ушел, значит, убийство, как у них говорят, явно заказное – Андропов не спал остаток ночи, и потому утром выглядел как таракан после столкновения с хозяйским тапком.

Придя на работу, первым делом он узнал содержание приказа Прокурора СССР Руденко, которым утверждался состав следственной бригады для выезда во Фрунзе. Роман Андреевич, человек тихий, почти уже аполитичный и доживавший на посту последние дни, тоже был обескуражен случившим-

ся и потому во время телефонного разговора заметно нервничал. Он попросил Андропова включить в состав бригады «какого-нибудь надежного человечка» из конторы, обещая, в свою очередь, выслать назначенного им следователя к Юрию Владимировичу для консультаций перед выездом. Конечно, командировка предстояла не в дальнее зарубежье, но все же – формально в другую страну. Да и потом как он будет вести следствие, если главный силовик Союза не изложит ему предварительно свои соображения и не даст ценных указаний? Натворит делов, чего доброго.

Имевший опыт общения с небожителями со Старой площади Владимир Колесниченко с Андроповым лично еще не встречался. Правда, в его памяти крепко отложился четырехлетней давности разговор с министром внутренних дел Щелоковым, в котором тот обрисовал председателя КГБ каким-то монстром, да только с того времени много воды утекло. К началу 1980-го года вся Москва только и говорила, что о роскоши, в которой погряз министр, о его коррупционных связях с Галей Брежневой и с директором «Елисеевского» гастронома Соколовым, о его «мерседесах» и цацках его жены. А что до Андропова... Тут придраться было не к чему. В условиях всеобщего дефицита этот человек, приближенный к партийной верхушке и даже составляющий в какой-то мере ее костяк, ни разу не замарал себя взяткой, роскошью или «столом заказов». «От людей на деревне не спрячешься», – пел Вячеслав Тихонов в известном фильме, а ко-

ренной житель столицы Колесниченко знает, что Москва – «большая деревня». Потому кристальная честность Андропова была притчей во языцех, – и, сколько бы недоброжелатели не пыхтели, ничего черного не могло надолго прилипнуть к ней. Потому, наверное, недолгим был осадок, оставшийся в душе у Колесниченко после беседы с Щелоковым той майской ночью 1976 года. И поэтому на встречу с председателем КГБ шел он с легким сердцем.

Когда он вошел в самый высокий в прямом и переносном смысле лубянский кабинет, там уже сидел, помимо его хозяина, подтянутый седовласый человек – хоть и не старый, но уже в форме генерал-майора госбезопасности.

– Знакомьтесь, Владимир Иванович, – с порога начал Андропов. – Это Филипп Тимофеевич Бобков, наш лучший следователь. По распоряжению товарища Руденко будет представлять Комитет в составе следственной бригады, которую, как я понимаю, возглавляете вы?

– Так точно.

– Присаживайтесь. Итак, товарищи, не буем терять времени. Все в курсе, что вы выезжаете во Фрунзе для организации расследования убийства председателя Совмина Киргизской ССР Султана Ибраимовича Ибраимова. Что нам известно об убийстве на сегодняшний день? Практически мало. Каким-то образом некий человек, не из числа охраны или обслуживающего персонала, проник на территорию правительственного санатория в Чолпон-Ате. Застрелил шофера,

после поднялся на второй этаж и застрелил самого Ибраимова. Так?

Колесниченко кивнул.

– Белиберда какая-то, – подытожил Андропов. – Ладно, я еще согласен допустить, что в отсталой стране, в банановой республике на территории Союза, где из ЧП случается только неурожай кукурузы, спустя рукава отнеслись к вопросам охраны правительственной резиденции. За это они получают свое. Но абсурдности картине добавляет тот факт, что преступник, явно не желавший оставлять в живых свидетелей, и потому убивший заметившего шофера Ибраимова, оставил в живых гостившего в тот вечер у него министра внутренних дел Узбекистана генерала Яхьяева. Что мешало ему застрелить генерала? И почему он не услышал выстрела в шофера, если был в доме? Почему не пресек покушение? Он же кадровый офицер МВД! И почему улетел с утра, хотя должен был гостить у Ибраимова еще два дня?!

– Юрий Владимирович, вы меня извините, но мне кажется этого мало для подозрений в адрес Яхьяева... – сказал Колесниченко. – Я, конечно, понимаю, что МВД Союза и республик – ведомство, далекое от совершенства, но обвинять в убийстве...

– Я ожидал этого. А потому приведу вам несколько фактов, если не доказывающих причастность Яхьяева к убийству, то во всяком случае наводящих на мысли о необходимости более детальной проверки всех обстоятельств, связан-

ных с его пребыванием в санатории «Иссык-Куль».

Бобков и Колесниченко напряженно слушали – по всему видно было, что человек не просто «в материале», а чрезвычайно хорошо владеет оперативной информацией. Что ж, значит не зря кресло просиживает, подумал Колесниченко. Его уважение к председателю КГБ, которого он видел в первый раз в жизни, постепенно росло.

– Начнем с того, как преступник проник на закрытую территорию санатория, пусть и плохо охраняемую. Через ворота? Не может быть. Остается через забор, вдоль которого дважды за ночь должны были проходить тамошние сотрудники ОВО. Вот полез бы он через забор и натолкнулся на них. Что тогда? Но он полез и не натолкнулся. Случайность? Не может быть. Значит, точно знал, когда именно притупится их бдительность.

– А она притупилась именно в ту ночь? – уточнил следователь.

– Именно в ту ночь. В домике охраны сотрудники республиканского КГБ изъяли несколько бутылок именного коньяка «Узбекистан» с портретом Шарафа Рашидова, который накануне привез генерал Яхьяев в подарок Ибраимову от его ташкентского друга, который должен был прилететь сам, но не смог по причине болезни. Далее. Выстрел в шофера Яхьяев «не слышит», и позволяет преступнику пройти в дом, но сам остается жив. Далее. Поднявшись на второй этаж, Яхьяев обнаруживает в постели тело Ибраимова,

но не дает приказ опившейся охране заблокировать периметр, а велит разбудить врачей и вызвать «скорую помощь». Приказ об оцеплении отдает спустя 10 минут, дав, тем самым, возможность преступнику уйти. Я понимаю, при виде убитого друга даже кадровый офицер МВД может растеряться, но есть еще одно обстоятельство, наводящее на мысли. Как вам известно, товарищи, в компетенцию КГБ входит прослушивание телефонных переговоров первых лиц Союза и республик в целях обеспечения их безопасности. Так вот недавние переговоры Ибраимова и Рашидова показали нам, что по инициативе покойного между ними должен был состояться очень важный и деликатный разговор. Говорил он и о том, что в случае, если понадобится, он готов этот разговор повести не только с Рашидовым, но и со мной...

– А о чем разговор?

– У покойника спросите. Из ближайшего его окружения нам доложили, что речь должна была пойти о колоссальных приписках хлопка в Узбекистане. Каким-то образом до Ибраимова дошли сведения о том, что ежегодно в республике приписывается до миллиона тонн хлопка, в действительности не собираемого с полей, а по документам – погибающего в процессе усушки, утруски, порчи при транспортировке с полей на фабрики. За этот хлопок Узбекистан из бюджета получает колоссальные дотации, после распределяемые Рашидовым среди всех участников этой преступной схемы. Мы об этом знаем давно, но нет прямых доказательств при-

частности того же Рашидова к припискам. А у Ибраимова они, как будто бы, были... Понимаете теперь, чем опасен он был Рашидову и почему тот отправил к нему своего верного пса?

– Если все так просто и на поверхности, – резонно заметил Колесниченко, – то нам с Филиппом Тимофеевичем надо ехать не во Фрунзе, а в Ташкент?

– В том-то и дело, что непросто. Мы не можем обнародовать эти сведения.

– Почему? Насколько мне известно, УПК РСФСР позволяет использовать в уголовном деле в качестве средств доказывания результаты ОРД, если они рассекречены в установленном законом порядке...

– А мы не можем их рассекретить.

– Почему?

– Потому что получили мы их от высокопоставленного сотрудника МВД. А ЦК, как вам, быть может известно, много лет назад по инициативе Щелокова принял постановление, запрещающее нам вербовать сотрудников МВД. Выходит, что, рассекретив данный источник, мы не только раз и навсегда его потеряем и тем самым понесем значительный урон в оперативном плане, но и дискредитируем себя перед Леонидом Ильичом – а он, как мне думается, проявит очень живой интерес к столь резонансному преступлению... Так что, товарищи, придется нам с вами сживаться с ролью собаки Павлова, которая все понимает, но сказать ничего не мо-

жет – до тех пор, пока вы не проверите все версии, включая эту, и не соберете достаточно улик...

Присутствующие улыбнулись – Андропов, при всей его твердости и целеустремленности, умел, когда надо, разрядить обстановку в коллективе. После этой импровизированной паузы Колесниченко, с разрешения хозяина кабинета, взял слово, решив подытожить услышанное.

– Позвольте все-таки мне, как руководителю следственной группы, высказать свои соображения по изложенному... – начал он. – Я согласен с Юрием Владимировичем в том, что убийство, вероятнее всего, не носит бытового характера, а имеет, если можно так выразиться, политический оттенок. Но, во-первых, у нас нет полномочий осуществлять непосредственную проверку событий в Ташкенте, в том числе на столь высоком уровне. А во-вторых, даже если полномочия эти нам будут предоставлены, мы должны обеспечить такую качественную работу на месте, чтобы наш будущий потенциальный собеседник не смог отпереться, чтобы был пригвожден к стене... фактами, добытыми вследствие оперативной и криминалистической работы во Фрунзе и в Чолпон-Ате. Так что, считаю, сосредоточиться надо именно на этом...

– Золотые слова, – резюмировал Андропов. – Для этого вам в помощь и выделяется генерал Бобков. Он, как я уже сказал, наш лучший следователь и лучший, не побоюсь этого слова, криминалист. В его распоряжении имеются крими-

налистические техники, еще неизвестные советской милиции и прокуратуре. Так, он может провести по отпечаткам пальцев не только дактилоскопическую – мало ли, вдруг преступника нет ни в одной базе данных, – а еще и генетическую экспертизу.

– Да, – включился в разговор доселе молчаливый Бобков. – Нам эту технику презентовали коллеги из Интерпола, когда по инициативе Юрия Владимировича мы обменялись с ними опытом оперативной работы...

– Была даже мысль нам присоединиться к Интерполу в целях наиболее эффективного и оперативного раскрытия преступлений, связанных с валютой или незаконным вывозом ценностей, в частности... Но – не все в моей власти, – развел руками хозяин Лубянки.

– Так вот. Эта методика позволяет вычленивать частички ДНК преступника по потожировым следам, оставленным им на месте преступления. Сами следы от соприкосновения с воздухом испаряются, а эти частички остаются. Если понадобится, прибежем и к этим методам.

Колесниченко слышал о такой экспертизе впервые, и потому не мог скрыть своего удивления и возбуждения.

– Так значит, надо скорее вылетать, чтобы закрепить материальные следы преступления на месте, так сказать.

– Не волнуйтесь, Владимир Иванович, – осадил его степенный и терпеливый Андропов. – Уверяю вас, следы никуда не пропадут. Наши товарищи из республиканского коми-

тета проведут работу по их закреплению как надо, они проинструктированы. Думаю, что вам надо на месте составить тщательный развернутый план оперативных и следственных мероприятий, все обсудить, обдумать, а уж с утра, на свежую голову отправляться к месту преступления. Завтра в 9 на военном аэродроме в Жуковском вас будет ждать мой самолет. Вы свободны.

Вечером, после напряженного трудового дня, проведенного в компании Бобкова на Лубянке, уставший следователь вернулся к себе домой, в маленькую квартирку в Ясенево. К нему в гости пришел друг и сокурсник, майор КГБ Виктор Афанасьев. За рюмочкой разговорились они о новом деле, порученном Колесниченко, о его впечатлениях от беседы с Андроповым и о новом его коллеге – Филиппе Бобкове.

– Что? – смеялся Афанасьев. – Сказал, что это он инициировал сближение с Интерполом? Надо его совсем не знать, чтоб поверить. Это как раз-таки Щелокова была инициатива. Хоть его сейчас принято ругать, а все же он настаивал. А Андропов против был. Мол, капиталистам помогать преследовать деятелей рабочего движения мы не будем. Потом как-то раз помощь их понадобилась, они отказали. Щелоков – к Брежневу со своим любимым: «А я говорил». Ну тот кобеля и спустил на Юрия Владимировича. С тех пор он и решил себе эту инициативу присвоить и производить за счет нее впечатление на тех, кого видит в первый раз. Вот видишь, с тобой сработало... Прилгнул, как писал Гоголь. «А не при-

лгнувши и правды не расскажешь», а?

Оба рассмеялись.

– А вообще, – серьезно продолжал Афанасьев, – он отличный мужик. Честный, преданный делу партии и все такое. Обычно как эти наши функционеры выглядят? Напыщенные, толстые, зажавшиеся, и никто не в курсе реального положения дел, чего ни коснись. Это не про него. Он справедливый, и, что немаловажно в нашей работе, очень сведущий. Знает, о чем говорит. Впрочем, ты и сам уже мог в этом убедиться.

– А Бобков? Что ты о нем можешь сказать?

– Толковый следователь, – подумав немного, отвечал Виктор. – Хотя и служака. Выслуживаться любит, под козырек брать, бдит все время, как бы чего не вышло. Честью мундира дорожит. Хотя... не так, быть может, это и плохо, учитывая, как сильно запятнана она у других ведомств. А в остальном, думаю, сработаетесь. Он мужик с головой, да и ты тоже, так что... Поехали, а то остывает!

Глава вторая

*«Генеральному прокурору СССР,
государственному советнику юстиции 1 класса
Руденко Р. А.*

*от старшего следователя по особо важным
делам, советника юстиции Колесниченко В. И.*

РАПОРТ

Докладываю, что 22 ноября 1980 года прибыл в составе назначенной Вами оперативно-следственной группы в г. Чолпон-Ату Киргизской ССР, для расследования произошедшего в ночь с 20 на 21 ноября убийства председателя СМ Киргизской ССР, кандидата в члены ЦК КПСС Ибраимова С. И. По прибытии я, своими полномочиями, ознакомился с результатами проведенных на месте, сотрудниками республиканского МВД и КГБ, оперативных мероприятий и установил следующее. В ходе прочесывания лесополосы, отделяющей правительственный санаторий «Иссык-Куль», на территории которого произошло убийство, от пролегающей мимо него автодороги «Чолпон-Ата – Пржевальск», был обнаружен гладкоствольный карабин «Белка», без патронов, в боевом состоянии, со следами пороха и гари в стволе. Анализ его экспертами-криминалистами КГБ СССР, вхо-

дьящими в возглавляемую мной группу, показал, в сопоставлении с пулями, извлеченными из тела Ибраимова и его шофера, что именно данный карабин является орудием преступления. На карабине обнаружены отпечатки пальцев, совпадающие с хранящимися в картотеке КГБ отпечатками пальцев гр. Славина Алексея Николаевича, 1940 г.р., сына расстрелянного в 1941 г. православного священника из Курской области. Данные отпечатки получены у него в детском возрасте, при перемещении в детский дом для детей «врагов народа», откуда, согласно архивным данным, Славин А. Н. не выпускался, будучи, по всей видимости, расстрелянным или пропавшим без вести. Точных сведений о его судьбе не имеется, но по состоянию на ноябрь 1980 года человек с такими анкетными данными в г. Чолпон-Ате или Пржевальской области не проживал. Объяснить данное противоречие пока не представляется возможным, не исключая техническую ошибку.

Параллельно с этим мной были допрошены все инспектора ГАИ, дежурившие в ночь убийства на трассе «Чолпон-Ата – Пржевальск», которые показали, что в сторону правительственного санатория в течение всего дня 20.11.1980 заезжали только машины Ибраимова, в которых находился сам Ибраимов, обслуга санатория и приехавший к нему накануне министр внутренних дел Узбекской ССР Х. Яхъяев. Ни другие машины, ни рейсовые автобусы не поворачивали в сторону правительственного санатория.

Между тем, 20.11.1980 около 17 час 30 мин мимо него проследовал рейсовый автобус, идущий из Чолпон-Аты в Пржевальск. Один из инспекторов ГАИ, вышедший на дежурство в связи с проследованием автоколонны Ибраимова в санаторий, видел, как примерно в 5 км от въезда в «Иссык-Куль» автобус остановился и из него вышел какой-то человек, вскоре пропавший у инспектора из виду.

Следователями, входящими в возглавляемую мной группу, допрошены все водители рейсовых автобусов, идущих по названному маршруту 20 ноября с.г. и в ближайшие дни. Один из них подтвердил, что 20.11.1980 управлял рейсовым автобусом, идущим в Пржевальск. Проехав территорию санатория, он остановился на обочине дороги по требованию одного из пассажиров, которого лично не знает, поскольку сам проживает в Пржевальске, а пассажир, по всей видимости, был жителем Чолпон-Аты. Пассажир на остановке вышел, а автобус продолжил следование по заданному маршруту. С его словесного описания пассажира экспертами-криминалистами был составлен фоторобот, который был предъявлен для опознания всем сотрудникам билетных касс автовокзала Чолпон-Аты.

Одна из сотрудниц опознала в нем жителя города Смагина Николая Джусраевича, 1940 г.р., прораба СМУ-74. При допросе его сослуживцев установлено, что 20 ноября Смагин на работу не вышел, после чего разыскать его возможным не представляется. Данные оперативного учета показыва-

ют, что дома он также не появлялся, в контакты с родными и близкими не вступал. В г. Пржевальске был организован местный розыск Смагина, который также не дал результата. Оснований для всесоюзного розыска пока не вижу, так как не имеется прямых доказательств причастности Смагина к убийству Ибраимова. При этом личных непосредственных контактов с самим Ибраимов, его убитым шофером, их окружением Смагин, согласно показаниям родственников, никогда не имел. На оружии, как говорилось выше, обнаружены не принадлежащие ему отпечатки пальцев.

С целью устранения возможных противоречий счел возможным назначить биологическую экспертизу отпечатков пальцев, снятых с карабина «Белка», с целью установления возможных контактов Смагина с носителем оружия. До получения результатов экспертизы производство предварительного расследования приостановил. О дальнейшем движении следствия доложу дополнительно.

В. И. Колесниченко»

01 декабря 1980 года, Чолпон-Ата, Киргизская ССР

Машина областной прокуратуры подъехала к дому одного из старейших и самых уважаемых жителей города, ветерана ВОВ, в прошлом – видного партийного работника Джуры Акаева около 14 час. В машине, помимо шофера и на вся-

кий случай взятого с собой оперативника уголовного розыска, сидели Колесниченко и Бобков. Перед тем, как выйти генерал КГБ бросил своему коллеге:

– И почему мы только сейчас сюда приехали? К отцу человека, которого обвиняют в убийстве кандидата в члены ЦК, мы приходим в самую последнюю очередь! Кому скажи – три дня смеяться будут. Как будто мы не хотим оперативно расследовать дело, а, Владимир Иванович?

– Филипп Тимофеевич, – спокойно произнес следователь, – скажите, у вас родители есть?

– Умерли.

– Но были когда-то? Вы же их помните?

– Ну, положим, помню. Только не надо давить на сыновние чувства – меня, слава Богу, в убийстве председателя Совета министров республики пока никто не обвинял.

– И Смагина пока никто не обвиняет. Ну может быть такое, что ему стало плохо в дороге? Попросил остановить, рассчитывал, что ему окажут помощь, помощь, по старой доброй традиции, никто не оказал, потому что дорога была перекрыта в связи с движением кортежа Ибраимова. Человек упал без сознания, скорее всего, уже умер, а мы на него всех собак повесили заочно. Плевать, что отпечатки не его – не вышел на работу, да еще и как на грех проходил мимо, значит, что же, виноват? Э, нет, товарищ генерал, оперативно расследовать и правильно – не всегда одно и то же... Да и потом – не забывайте, что Акаев раньше работал в респуб-

ликанском ЦК. Сунуться в этот дом без проверки, с шашкой наголо может только генерал КГБ, да и то велик риск, что его потом по голове не поглядят. А я, увы, пока не генерал. Так что, пойдём?

Хозяин – почтенный сухой старик в халате и тубетейке – встречал гостей на пороге. Как чувствовал, что вот-вот должны они к нему прийти. Как будто скорее хотел вырвать этот больной зуб, устранить все противоречия. Да вот только мог ли? Если бы мог, то, с его-то советским почетным прошлым, давно бы уж стоял на пороге областной прокуратуры... Значит, что-то внутри него самого не давало ему сделать первый шаг. Была какая-то тайна, которая, как скелет в шкафу, отягощала ему дорогу. Долго думал об этом Колесниченко, и, наконец, сегодня сам решил все разведать.

По-восточному гостеприимный дом встречал даже таких, не вполне светских посетителей тепло. Пили чай, ели сладкую пахлаву, фрукты, даже зимой имевшиеся в доме ветерана. Колесниченко начал разговор напрямую.

– Скажите, Джура Акаевич, ваш сын...

Старик не дал ему договорить:

– Давно ходите вы как собаки вокруг моего дома. Давно хотите сказать, да молчите. Мать спрашивали, соседей спрашивали, куда Николай делся. А в газетах все подробно расписано. Я понял – вы его подозреваете. Но зачем, зачем ему вдруг понадобилось убивать Султана? Они и знакомы-то не были...

– Вот в этом мы и пытаемся разобраться. Пока никто не делает никаких выводов, даже приблизительных...

– А почему? Чего вам не хватает? Значит, нет у вас доказательств. Так зачем заставляете честного человека скрываться?

– Вы полагаете, он скрывается? У вас есть какие-либо данные? – подозрительно начал диалог Бобков.

– Даже если бы были, я бы вам не сказал, – зло проронил старик. – Не верю я, что он убил и скрылся. Думаю, что убежал от подозрений. Специально... Мой сын... Он не такой...

Внезапно старик закрыл испещренное морщинами лицо руками и заплакал навзрыд. Колесниченко вспомнил своего отца, такого же пожилого ветерана, который с годами стал таким же мнительным, постоянно стал писать и звонить сыну, когда тот в бесконечной череде командировок мотался по всему Союзу, видимо, боясь не успеть сказать простых трех слов... Ему стало жаль старика. И противно стало от осознания той миссии, что была на него возложена. Он вспомнил слова Андропова о возможной причастности к убийству генерала Яхьяева и Рашидова. И стало вдвойне мерзко – он, следователь прокуратуры, сидит и мучает почтенного старика, когда, возможно, настоящие убийцы спокойно восседают в правительственных кабинетах... Но получилось быстро взять себя в руки – ведь, если не этот допрос, все так и будут возводить напраслину на невиновного, а отыскать истинных преступников не получится никогда.

Есть такое слово – «надо».

– Понимаете, – выпив воды и слегка придя в себя, начал он, – он мне больше, чем сын, хотя кровью мы с ним не связаны. Я взял его из детского дома, когда в 1945-ом героем вернулся с войны...

– Простите, а из какого детского дома?

– Для детей врагов народа.

Эта фраза резанула Колесниченко и Бобкова по ушам. Они переглянулись – и без слов поняли: разгадка практически найдена.

– А почему вы решили его взять?

– Видите ли, я родом из Пржевальска. Вернее, тогда он назывался Каракол. Там издревле жили и соседствовали представители многих национальностей, религий и культур. Там еще до революции стояла пагода, были мечеть и православная церковь. Сам я раньше верующим не был – сами понимаете, в партии был не последним человеком. С годами только стал, да и то... А был у меня там друг, священник из православной церкви. Отец Николай. Часто я его вспоминаю. Хорошо мы с ним дружили, крепко. Родители мои рано умерли, так он мне вроде старшего брата и стал. Вере в Бога меня учил, да только, как видно, все без толку. Я так думал – что же это за Бог, если он таким несправедливостям на земле твориться разрешает?! Я на войну в 41-ом ушел, в 45-ом вернулся, пришел к нему – а мне говорят, что его сразу после моей мобилизации расстреляли. И как Бог, думал я, мог

позволить такому чистому человеку в таких муках умереть? За неправду пострадать? Он не был предателем, а его обвинили. Я знаю – это горько... Так вот. У него в 40-ом еще сын родился. Я стал выяснять, где он, что с ним. Сказали, что отправили в детский дом как сына врага народа. Я туда. Забрал его. Конечно, давать не хотели, зачем, говорят, тебе, Джура, биографию портить? Один большой человек вступился, помог. Мы тогда Коле сменили фамилию и имя.

– А как его звали? Какая была фамилия?

– Алексей Славин. – Раскатом гром прозвучал ответ старика. Сыщики окончательно поняли, что не ошиблись. Но, почему-то, чем дальше шел рассказ, тем менее понятно становилось, за что его сыну понадобилось убивать Ибраимова... – Я назвал его Колей, в честь погибшего отца. А фамилию сменили на Смагин. В детском доме документы все подчистили, что концов теперь не найдешь.

– Скажите, – спросил Бобков, – а он когда-нибудь высказывал недовольство Советской властью или своей жизнью вообще? Вы ведь были большим человеком в городе, длительное время возглавляли партийную организацию. Не думаю, чтобы он в чем-нибудь нуждался... Разве что вспомнил отца?

– Не вспоминал он об отце. Маленький был совсем. Да и мы с моей Розой все сделали, чтобы эта печаль его не тревожила и скорее ушла из памяти. Да, даже если и вспомнил, то причем тут Султан? У него у самого отца расстреляли. Он

был чистый человек, как и мой Коля – всем он был доволен, все у него было. Жены, правда, не было – так того он сам не хотел. А я хотел внуков...

– А почему вы не дали Алексею свою фамилию?

– Ну, во-первых, сложно было бы обеспечить пропажу из детского дома одного, пусть даже и никому не нужного ребенка, чтобы от него совсем не осталось никаких следов. Сначала в книги учета внесли пару записей, нарочно спутав фамилии. Заменить одну букву и тем самым начать стирать человека из памяти и из архивов куда проще, чем убить Славина и родить Акаева на ровном месте. А во-вторых... на войне меня ранили. Детей я иметь не мог, и об этом многие знали. Мальчик-то ведь русский, и все равно однажды бы узнал, что я ему не настоящий отец. Так зачем после его мучить, зачем воспитывать во лжи?

Внезапно в соседней комнате раздался телефонный звонок. Жена старика стала на пороге, удивленно уставилась на Бобкова и сказала:

– Это вас.

Генерал вышел, кратко поговорил с кем-то, вернулся в комнату и вполголоса сказал, глядя на следователя:

– Отпечатки пальцев, взятые с рабочей каски Смагина на его работе, в СМУ-74, совпадают с теми, что нашли на карабине.

Колесниченко опустил голову, потом посмотрел пристально на хозяина дома и с обреченностью в голосе произ-

нес:

– У нас для вас плохие новости, Джура Акаевич.

Старик задрожал всем телом, напрягся и что было сил закричал, так, что, казалось, на улице стало слышно:

– Нет! Только не это!

...Когда Колесниченко и Бобков выходили из дома, оставив старика наедине со своим горем, мимо них трассирующими рядами в сторону дома пролетели несколько камней. Тяжелыми ударами приземлились они в железные ворота и снова отскочили на землю – так, что московские гости едва успели пригнуть головы и не стать жертвами уличных хулиганов.

– Совсем озверели! Среди бела дня! – крикнул оперативник, выпрыгнув из машины и стремглав бросившись к Колесниченко. – Вы в порядке, Владимир Иванович? Догнать?

– Не надо, – махнул рукой Бобков. Его спокойствие показалось следователю странным, сложилось впечатление, что он знал что-то, чего не знал следователь Генеральной прокуратуры. – Я сейчас все объясню, – прочтя в глазах своего менее опытного коллеги вопрос, упредил генерал. – Поехали к горисполкому.

Подъехав к зданию властного органа, Колесниченко узрел картину наподобие тех, что по телевизору обычно показывали в рубрике «Народ Чили недоволен режимом Пиночета». Несколько десятков человек – правда, без транспарантов, но с камнями в руках – собрались у здания исполни-

тельного комитета. Все, как один, они скандировали: «Ходос, у-хо-ди! Хо-дос, у-хо-ди!» Милиция, конечно, взяла их в оцепление, но действий никаких не предпринимала – толпа не двигалась с места, и формального повода к активным действиям у стражей порядка не было. Колесниченко слышал про голодные бунты времен Ленина и Сталина, про расстрел в Новочеркасске в 1962 году, но видел такое впервые – непривычно было советскому человеку видеть, что кто-то в его стране выказывает столь явное недовольство своей властью.

– Это что ж такое? – не скрывая удивления, спросил он у Бобкова.

– Они недовольны назначением русского на пост Ибраимова.

– Бунт на национальной почве? В СССР? – удивлению следователя все еще не было предела. – И местная власть смотрит на это сквозь пальцы?

– А что, стрелять по ним прикажешь? Второй Новочеркасск устроим? Только на дворе-то не 62-ой год, ничего от людей не скроешь. И потом, если помнишь, тогда это Хрущеву должности стоило... А сейчас?.. – генерал осекся, не желая доводить свою крамольную мысль до конца. Все-таки, они с Колесниченко в сущности еще были очень мало знакомы.

– Так что же делать?

– Потом объясню. Погоди.

С этими словами Бобков вышел из машины, подошел к старшему милиционеру из оцепления, выслушал его доклад, что-то ему сказал, после чего прорвался сквозь толпу и поднялся на крыльцо исполкома. Толпа затихла, а Колесниченко вышел из машины и стал наблюдать за происходящим непосредственно.

– Товарищи, – подняв руку вверх, обратился к толпе Бобков. – Я генерал КГБ СССР Бобков, приехал сюда, чтобы обеспечивать порядок и законность в республике. Я отлично понимаю ваше нежелание назначения на должность председателя Совмина товарища Ходоса. И от лица партии и государства заверяю вас в том, что решение о назначении на вакантную должность кого бы то ни было еще не принято. Принимать его будет ЦК КПСС с обязательным учетом мнения ЦК Компартии Киргизии, в правильности выбора которой никто не сомневается. Товарищ Ходос временно замещает должность покойного товарища Ибраимова, не более. Поводов для волнения нет! Призываю вас разойтись по домам!

Колесниченко ушам своим не верил – за такую крамолу любого другого давно стерли бы в порошок, но генералам КГБ, как он видел, позволено в этой стране практически все. «Что ж, *bon licet jovi, non licet bovi*».

На толпу, меж тем, слова Бобкова произвели должное впечатление – люди затихли, началось шатание. Вдруг из толпы послышался голос:

– Когда найдете убийцу Султана?

– Личность его уже установлена, скоро он будет найден и доставлен во Фрунзе, где с ним будут проводиться следственные действия. Призываю вас не делать скоропалительных выводов и никого не осуждать, вы можете допустить роковую ошибку! А теперь – расходитесь, товарищи!

Перекинувшись парой слов с местным руководством, час спустя Бобков и Колесниченко возвращались на той же машине во Фрунзе, где им предстояло выступить с отчетом о результатах следствия перед своей группой, раздать новые задания, обеспечить розыск Смагина, в причастности которого к убийству Ибраимова теперь не было сомнений. Только сейчас Колесниченко решился, наконец, выяснить у Бобкова истинную природу тех событий, чьими участниками стали они сегодня днем в Чолпон-Ате – слишком уж необычными для государства «развитого социализма» были они в понятии следователя.

– Понимаешь, с самого момента основания Киргизской ССР во главе ее всегда стояли русские, – начал Бобков.

– И что в этом плохого?

– Ты, ради интереса, в местные магазины заходил? Видел там что-нибудь на полках?

– Практически мало, – улыбнулся Колесниченко.

– Вот. А все почему? Потому что Киргизия, если ты не знаешь, входит в третью категорию обеспечения и снабжения. Слышал что-нибудь про это? Первая – это Московская и Ленинградская области, там центр, там все понятно.

Вторая – это регионы, производящие стратегическое сырье, товары, продукцию. Где космодромы да шахты нефтяные. А третья – это остальной Союз. Несмотря на то, что республика в плане природных богатств – просто Клондайк, – эти ресурсы, носящие, в основном, рекреационный характер, никому не нужны. Все, что здесь добывается, сдается в центр, а из центра получает республика по третьей категории. Какой-нибудь Казахстан в пять раз меньше продукции сдает, но там Байконур – и поэтому ему вторая категория.

– Опять не пойму, причем тут русские?

– Да при том, что тот, кто сдает и тот, кто деньги из Москвы получает, переговоры ведет – верхушка партийная – само как сыр в масле катается, а на народ плюет с высокой колокольни, потому что народ этот даже не одной с ним крови, не одной национальности. Был бы там киргиз, вспомнил бы, как сам до прихода во власть верблюжью колючку жевал, и, наверное, по-другому повел бы свой диалог с Москвой. Да только киргизов сюда не ставили со времен Владимира Ильича – даже татары были, а киргизов не было. Стоило 10 лет назад первому киргизу, Турдакуну Усубалиевичу Усубалиеву, возглавить местный ЦК, так сразу во вторую категорию по снабжению перевели. Отдельный приказ Госплана издали, как сейчас помню. Потом присмотрелись – стоит ли национальную республику без особенных оснований так баловать? Не отплатят ли они нам взрывом национализма? Не захотят ли в суверенитет поиграть? При такой-то

близости с не всегда дружелюбным Китаем надо ли нам это? И поставили председателем Совета министров русского. Беллоруса, точнее. Ходоса, он, кстати, и сейчас, после смерти Ибраимова исполняет его обязанности. Зачем, спрашивается? А затем, что партия – это партия, власть, как говорится, законодательная, а Совет министров – власть исполнительная. Партия решила – хорошо, да только не всегда даже в центре ее решения правительством исполняются. Вот тогда Ходос этот и вышел в Верховный Совет с ходатайством о снятии второй категории и возвращении третьей. Вернули. Мол, в бюджете дефицит, на оборону денег не хватает. Тогда киргизы взбрыкнули – и Леониду Ильичу пришлось пойти у них на поводу, назначить Ибраимова. Второй категории, конечно, не увидали они как своих ушей, но в чем-то жить лучше стали. Свободнее, что ли. Ибраимов был молодой, перспективный руководитель – думаю, что с его потенциальным уходом в Москву многие его земляки связывали надежды на светлое будущее. Но, как видишь, не суждено было им сбыться. Вот они и психуют. Русских во всем обвиняют, а уж над убийцей Ибраимова и вовсе бы, неровен час, самосуд устроили. Так что, наверное, даже хорошо, что он сбежал. Мы с тобой мимо дома прошли, и то едва по кумполу, как говорят, не получили, а уж что они с ним могут сделать – и представить страшно...

Колесниченко смотрел на своего умудренного опытом собеседника и понимал, что, в сущности, еще очень многого

не знает и не понимает. Казалось бы, следствие – его профессия, в которой он за 10 лет службы не одну собаку съел. А тут – подумать только! – вмешался восточный колорит, и очевидные вещи стали невероятными, а невероятные – очевидными. «Все-таки хорошо, – подумал он, – что Андропов отправил его со мной. Опытный мужик, прав был Виктор. Без него я бы тут наломал дров...»

07 декабря, Куйбышев, РСФСР

Известие об обнаружении Смагина, объявленного накануне во всесоюзный розыск, пришло из далекого Куйбышева. А вернее, из маленького городка под Куйбышевом, который назывался Чапаевск. Путевой обходчик заметил в стоявшей на тупиковом пути электричке какое-то странное движение. Сунулся туда – и обнаружил висящий в петле труп. Прибывшие на его зов сотрудники линейного отдела быстро сверили его с недавно пришедшей из Фрунзе ориентировкой – благо, на ней был уже не фоторобот, а полноценная фотография, сделанная незадолго до его исчезновения, из домашнего архива. Совпадение обнаружилось по 9 точкам из 10. Оставалось только информировать об этом Прокуратуру СССР и ждать приезда Колесниченко и Бобкова, срочно командированных к месту обнаружения трупа, чтобы, так сказать, на месте все проверить. Вполне возможно, что самоубийство было лишь инсценировкой, к которой прибегли

истинные заказчики преступления, чтобы замести следы.

Бобков с корабля на бал отправился на станцию – все-таки, его основные функции были криминалистические, ему важно было осмотреть следы и проверить их фиксацию местными службами. Колесниченко же посетил начальника ГУВД Куйбышевского облисполкома генерала Степанова. Тот сам накануне звонил ему и просил приехать, чтобы отчитаться о проведенной сотрудниками милиции работе. В двух словах Степанов описал ему историю обнаружения трупа, сообщил о найденной рядом с ним предсмертной записке со словами: «Я буду убивать киргизов, где бы они мне ни попались».

– А где сейчас эта записка?

– На месте осталась. Я распорядился ее сохранить, чтобы, так сказать, в первоизданном виде передать вашим экспертам. Думаю, там будет экспертиза не только по почерку... Но суть не в ней. Мы там еще кое-что нашли.

– Что же?

Вместо ответа генерал извлек из сейфа пластиковый пакет, в котором была аккуратно запечатана маленькая брошюрка. На бумажной обложке был нарисован типографским способом герб Киргизии, а под ним на двух языках – русском и киргизском – красовался заголовок: «Памятка депутата Верховного Совета Киргизской ССР».

– Вот. При трупе было. Там содержатся адреса и прочие персональные данные всей верхушки Киргизии.

– Неудивительно, ведь Смагина мы подозревали в убийстве Ибраимова. Понятно теперь, откуда он получал информацию о своей будущей жертве.

Генерал смотрел на следователя как-то заговорщицки.

– Это само собой, но тут есть одна деталь, как мне кажется, важная, которой я хотел поделиться лично с вами.

– Почему со мной?

– Потому что я – генерал МВД. И генералу КГБ не могу доверять по определению.

– Разумное объяснение, – улыбнулся Колесниченко. – Так что это за деталь?

– Вот.

Генерал открыл форзац книжки и обратил внимание следователя на библиотечный штамп. На нем был какой-то неразборчивый, стершийся от времени герб, а внизу надпись: «„Бутун дунё пролетарлари, бирлашингиз!“ Государственная библиотека ЦК Коммунистической партии Узбекистана, г. Ташкент».

– Что это значит?

– «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

– Я не об этом.

– А! Это значит, что книжку он получил в Госбиблиотеке ЦК партии совсем другой страны, в Ташкенте. Вам не кажется это странным?..

«Рашидов. Яхъяев. Точно. Андропов был прав. Надо срочно информировать его о нашей находке!»

– Кажется. Я незамедлительно доложу о вашей находке в центр. А вам могу сказать спасибо за то, что сохранили ее для меня...

«Да, всякое могло бы случиться, попади она к Бобкову – предвижу, что, после всего, увиденного в Чолпон-Ате, ему, как человеку осторожному, сей вещдок может не понравиться. Надо срочно его найти!»

Диалог Колесниченко и Бобкова состоялся в здании областного КГБ, где генерал едва ли не грудью защищал телефон спецсвязи, по которому следователь тщетно пытался созвониться с Андроповым, чтобы доложить ему о находке.

– После всего того, что я тебе рассказал, ты все еще хочешь обнародовать записку и эту злосчастную книжонку? Сделать их достоянием гласности? Ведь в республике обо всем узнают, и тогда народных волнений точно не избежать. Представляешь, что начнется, если в приграничной с Китаем национальной республике, произойдет эдакий информационный взрыв? Сколько русских могут пострадать? А киргизов? Ведь придется вводить там чрезвычайное положение, может быть, даже вводить войска!

– А вы считаете, что народ поверит в такие итоги нашего следствия? Будет довольствоваться трупом убийцы?

– А что не так? Непосредственные доказательства его причастности к убийству Ибраимова нами найдены!

– А следы того, кто его направил, нет! Если верить его записке, то почему тогда он бомбу не пронес в здание ЦК

Компартии Киргизии? Тогда бы куда больше убил киргизов, чем тайно, ночью в кровати одного, пусть и высокопоставленного! Вошел бы сразу в историю, и не пришлось бы писать оправдательных предсмертных записок. Если ее, конечно, вообще он написал... Вы разве не помните, о чем нам говорил Юрий Владимирович перед отъездом?

– Не надо слова руководства понимать так буквально, – отмахнулся Бобков. Слова генерала показались Колесниченко неубедительными.

– И все-таки. Вы, конечно, старше меня по возрасту, и по званию, но руководитель следственной группы все-таки я. И я требую предоставить мне прямую связь с председателем КГБ СССР Андроповым. Если он меня не поймет, не услышит – это будет его решение. Но влиять на него и, тем более, дезинформировать вы, как человек военный, не имеете права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.